

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В ФРГ: ЗАРОЖДЕНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ДИНАМИКИ

Попытки осмысления такого многомерного и сложного явления, каким является социальная история, инициируют построение ее различных моделей. Если традиционная форма рефлексии над социальной историей ранее сводилась до полной ее ангажированности, то на изломе столетий все более расхожим становится тезис о несостоятельности теоретико-методологической стратегии социальной истории, в рамках которой научная ценность социальных структур и процессов уже не способна компенсировать имеющее место проблемы как в фактологическом, так и методическом плане.

В этих условиях не исключением оказалась и немецкая историческая наука. Представители *истории повседневности* (*Alltagsgeschichte*) – А. Людке, Х. Медик, Л. Ниетхаммер и другие – вполне правомерно поставили вопрос о реальной значимости научных инноваций *социальной истории* (*Sozialgeschichte*), их роли в структуре исторического знания. С одной стороны, это нисколько не умаляет заслугу социальных историков (Г.-У. Велер, Ю. Кока, Й. Моозер и др.) в становлении исследовательских программ в исторической науке в целом, с другой – формирование социальной истории детерминировалось экспансией ее инструментария лишь на изучение структур, глубинных оснований их социальной организации. Убедительно подтверждает этот вывод то, что первоначально социальная история дефинировалась как *структурная история* (*Strukturgeschichte*).

В настоящее время возможности плодотворной и рациональной дискуссии между представителями двух различных парадигм оцениваются весьма пессимистически, ибо каждая из них задает свою индивидуальную проекцию мира. Наличие этих парадигмальных установок предполагает реконструкцию их гносеологических концепций.

Сторонники социальной истории в начале 1950-х гг. занялись поиском теории структурирования исторической мысли, призванной объяснить смену научных парадигм. При этом в качестве основного ставится вопрос о роли принципа *историзма* (*Historismus*), который стал традицией германской историографии.

Сложность данного понятия обусловлена, по крайней мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, историзм неоднозначно трактуется в некоторых отраслях научного знания (архитектура, живопись, литература и др.); во-вторых, в марксистском мировоззрении он отождествлялся с историческим материализмом. В историографии Германии конца XIX – начала XX в. атрибутивные свойства историзма сводились к шести признакам: а) идее развития; б) принципу индивидуальности; в) деятельности духовных движущих сил; г) герменевтике; д) примату политической и событийной истории; е) повествованию как форме воспроизведения истории (художественный характер исторического описания¹).

Сопоставив вышеназванные категории историзма, можно выявить общую концепцию, которой придерживались немецкие историки вплоть до второй половины XX в.: государство является центральной категорией, для которого характерна эволюция и чужды всякие революционные преобразования; развитие осуществляется исключительно по воле правителей, интуитивное понимание поступков которых и есть задача герменевтики; информация о событиях носит форму пересказа.

Принципиальная значимость немецкой исторической науки для адекватного отображения реальной действительности потребовала радикального

усложнения предмета ее научного исследования и формирования комплексных программ, предполагающих теоретическое осмысление системных объектов. В данном отношении послевоенная немецкая историческая наука испытала влияние французской школы “Анналов”. Одной из атрибутивных характеристик данной школы было изучение социальных процессов, структур повседневности, что, в свою очередь, исключало проблематику политического фактора как детерминанты социокультурного процесса.

Традиционная история – история событийная, так как обращает внимание только на короткие промежутки времени. По Ф. Броделю, данному подходу в значительной степени свойствен элемент дескриптивности, а его объяснительный потенциал часто бывает незначительным, хотя и претендует на то, чтобы должным образом раскрыть сложные механизмы функционирования исторических законов. Известный французский исследователь считает, что существует множество масштабов исторического времени, которые олицетворяются в событиях различной длительности: от коротких промежутков, вычленяемых политической историей, до циклов десятилетних, двадцатилетних, пятидесятилетних, вековых, “вычленяемых историей социальной”². Таким образом, фактор времени является интенцией на изучение реальности в аспекте объективных закономерностей ее функционирования и развития, не зависящих от эмоциональных и ценностных представлений субъекта. “Длительная временная протяженность” по сравнению с “короткой” позволяет изучать экономические, демографические процессы, хозяйственную деятельность, быт и др. В свою очередь, организованность этих процессов фиксируется понятием структуры – “исторической реальности, устойчиво и медленно изменяющейся во времени”³.

Вышеотмеченные черты французской школы в силу объективных условий были экстраполированы и на немецкую историческую науку, которая в послевоенное время начала развиваться в условиях проведения демократических реформ и отказа от национализма⁴. Немецкие историки (В. Конце, О. Бруннер, Т. Шидер и др.) исходили из понимания структуры как целостного объекта, все элементы которого имеют взаимосвязанный характер. Такая позиция предопределила применение структурного метода в исторических исследованиях, т. е. анализу эволюции общества должно предшествовать выяснение его структуры – выделение основных составных частей, после – структуры этих частей, наконец, структуры более мелких составляющих единиц. Необходимо установить иерархию объекта от самого мелкого до самого крупного уровня.

Как оказалось впоследствии, для данного метода были характерны черты эклектики и релятивизма. Во-первых, полностью игнорировалась политическая история; во-вторых, структура предстает в качестве статичного, а не динамичного объекта; в-третьих, структуры, необходимые для изучения, имеются в экономике, географии, математике и т. п. Поэтому возник вопрос о целесообразности самого термина “структурная история”.

Вьютупив с критикой так называемого “теоретического дефицита” структурной истории, Ю. Кока писал: “Политическая история и история государства могут и должны учитываться при изучении структурных аспектов”⁵. Преодолеть этот дефицит призваны были не только внутреннее совершенствование исследовательских программ, для которых все более характерными становились как синтез эмпирического и аксиологического (опыт людей, их ценностные установки, духовные идеалы) направлений и которые теперь обозначались в качестве социальной истории, так и ориентация последней на “политические науки и марксистскую теорию”⁶.

Предметом обновленной и расширенной социальной истории стали не только автономные структуры, но и социальные процессы, развитие классов, слоев, групп, семей, а также “коллективные феномены, менталитет, мобильность, женская эмансипация”⁷. Подобного рода исследования стали возможны с расширением источниковой базы. В 1960–1970-х гг. впервые в научный оборот были введены такие источники, как личные дела, личные счета работников предприятий, материалы переписей населения, листы домашних хозяйств и т. п.⁸ Таким образом, немецкая социальная история синтезировала в себе огромный эмпирический материал и, по словам известного немецкого историка В. Моммзена, была призвана преодолеть “отставание исторической науки”⁹.

Отметим, что наиболее адекватным основанием дифференциации социальной истории на важнейшие периоды, отличающиеся друг от друга не только интерпретацией предметной области, но и особенностями методологии, являются понятия “индустриальное общество” и “теория модернизации”. В самом широком смысле индустриальное общество понимается как общество, достигшее определенного уровня своего развития при помощи машинного производства и ЭВМ. В немецкой социальной истории данное понятие становится основным благодаря Г.-У. Велеру¹⁰. Естественно, что подобного рода общество понималось как веберовский идеальный тип, где бытие человека, в отличие от марксизма, не фатально зависит от экономического развития, а органично скоррелировано с ним. В действительности получилось иначе: техногенное общество в своем влиянии на человека практически не уступало тоталитаризму. В результате такой детерминации сформировался тип личности, который немецкий известный философ Г. Маркузе обозначил как одномерный человек¹¹. Одномерность в данном случае понимается как стремление к материальным благам, отрицание моральных норм и ценностей. Таким образом, факт детерминации человеческого существования экономическими и социокультурными процессами стал основной проблемой изучения социальной истории: в рамках индустриальной парадигмы человек и общество не могли рассматриваться как сущности, находящиеся в отношении параллельного существования. Более того, общество, государство достаточно определенно стали доминировать как типы социальной организации, направленные на преобразование и модификацию человека. Эти социальные организации Й. Моозер определил как “надиндивидуальные структуры” (*die überindividuellen Strukturen*)¹².

Реакция человеческого сознания на “экспансию” государства была достаточно бурной и вылилась в 1960-х гг. в весьма широком спектре идей и концепций, которые можно объединить общим понятием “**новые социальные движения**”. В данном отношении наиболее радикальной оказалась Франкфуртская школа (Г. Маркузе, Т. Адорно, М. Хоркхаймер и др.). Выдвинув идею “контркультуры” и “бунта против истории”, они обозначили те социальные силы, которые способны подорвать устои буржуазного общества: люмпены, радикальные слои интеллигенции, студенчество и др.

Для мировоззрения немецких социальных историков было характерно то, что они, отчасти признавая правоту многих выводов постмодернистской философии, высказывали несогласие с ее крайним нигилизмом. В частности, неужели для преодоления социальных противоречий необходимы восстания и революции? В качестве альтернативного варианта выдвигается “**теория модернизации**”. Несмотря на очевидную полисемантическую и метафоричность, данное понятие позволяет выразить позицию социальных историков.

В сегодняшней исторической парадигме модернизация мыслится как сложный процесс, подразумевающий структурную дифференциацию социокультурной системы и формирование новых институтов, норм, форм коммуникации, символов и ценностей не на основе отрицания традиционного, а его органического включения в процессы "осовременивания", задействования его мобилизационного и интегративного потенциала. Таким образом, традиционные ценности, обретающие новый смысл, становятся легитимирующей основой преобразований, определяют их темпы и смысл¹³.

Специфика модернизации Германии определялась такими базовыми особенностями этой страны, как милитаризм и государственная бюрократия, позиции которой не могли быть подорваны ни в период индустриализации, ни в процессе становления парламентаризма и партийной системы. Нельзя также забывать и про авторитарные элементы политической культуры, развитие рабочего движения, которое породило противоречия между рабочими и капиталистами¹⁴.

В структурном плане немецкая цивилизация характеризовалась большим количеством локальных государственных и полугосударственных образований, которые не сводились к общему центру. Это во многом определило характер процесса модернизации Германии. Объединение немецкой нации железом и кровью сопровождалось общими противоречиями в социальной, институциональной, политической и других сферах. Однако они не остановили процесс модернизации, а их разрешение привело в конце XX в. к позитивной динамике современного общества ФРГ. Поэтому неудивительно, что процесс образования Германии стал популярной, если не основной темой сторонников социальной истории¹⁵. Главное для них – описание сложного трансформационного процесса становления Германии от аграрных, раннекапиталистических государственных союзов до демократического общества современности. Особенностью модернизации Германии, обеспечившей ее успешный ход, было также совпадение императива обновления с интересами правящей олигархии. Важным фактором было осуществление реформ на основе независимой внешней политики, при направленных и регулируемых заимствованиях в научно-технической сфере и под лозунгами возрождения имперских ценностей, "особого немецкого пути". Процесс собирания германских земель "сверху" обусловил ведущую роль элиты, прежде всего аристократии, которая имела огромные привилегии вплоть до права на собственные гербовые атрибуты¹⁶.

Рассматривая подробно теорию модернизации и сферу ее приложения (германские земли), представители социальной истории обошли вниманием очень важный вопрос: претерпевает ли модернизацию народная культура, менталитет людей, их повседневность параллельно с институциональными изменениями. Печальный опыт постсоветского общества показал, что его менталитет оказался куда более консервативным, нежели сама система власти. Рецидивы такого мышления: поддержка политики изоляционизма, противопоставление СНГ всему западному миру, идея великодержавного могущества и прочие – все еще владеют умами миллионов людей – в недалеком прошлом советских граждан.

Проблема взаимоотношений микро- и макросоциологических факторов стала основной на Национальной конференции германских историков, состоявшейся в 1992 г. в Ганновере. Если представители истории повседневности указали на подспудно вызреваемые процессы, "резонирующие со стремлением людей к выживанию и в то же время установлению справедливости по отношению к ним и к тем, кто им дорог", на действия тех, "кто является

одновременно и объектами истории, и ее субъектами", т. е. на историю как на "многослойный процесс"¹⁷, то убеждение социальных историков в том, что "отставание исторической науки призваны преодолеть современная социальная история, экономическая история, демография и не в последнюю очередь применяющая структурно-аналитические методы политическая история, исследующая не только действующие группы и элиты, но и обусловленность их действий социоэкономическими структурами"¹⁸, осталось незыблемым.

Адекватная оценка социальной истории не предполагает возведения ее в некую универсальную категорию. Тем не менее этому направлению по-новому удалось внести свой вклад в решение ряда фундаментальных социально-теоретических проблем. Сюда можно отнести теорию структурного метода, вопрос генезиса государства и становления индустриального общества. Немецкая социальная история внесла значительный вклад в общую социологическую теорию, определив модернизацию как одну из важнейших характеристик исторического процесса.

¹ См.: Бон Т. Историзм в России? О состоянии русской исторической науки в XIX столетии // Отечественная история. 2000. № 4. С. 121.

² См.: Барг М. А. Проблемы социальной истории в освещении современных западных медиевистов. М., 1973. С. 14.

³ Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977. С. 124.

⁴ См.: Коска J. Sozialgeschichte. Göttingen, 1986. S. 67.

⁵ Ibid. S. 79.

⁶ Mommsen W. Die Geschichtswissenschaft jenseits Historismus. Düsseldorf, 1972. S. 25

⁷ Коска J. Указ. пр. S. 82.

⁸ См.: Mooser J. Wirtschafts- und Sozialgeschichte, Historische Sozialwissenschaft, Gesellschaftsgeschichte // Fischer Lexikon Geschichte. Frankfurt am Main, 1990. S. 387.

⁹ Цит. по: Патрушев А. И. "Социальная история" в буржуазной историографии // Новая и новейшая история. 1976. № 4. С. 157.

¹⁰ См.: Wehler H. - U. Modernisierungstheorie und Geschichte. Göttingen, 1975.

¹¹ См.: Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 1996.

¹² Mooser J. Указ. пр.

¹³ См.: Зарубина Н. Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб., 1998. С. 168.

¹⁴ См.: Ritter G. Neuere Sozialgeschichte in der Bundesrepublik // Sozialgeschichte im internationalen Überblick: Ergänzungen und Tendenzen der Forschung. Darmstadt, 1989. S. 57.

¹⁵ См.: Овчинникова Л. В. Германская империя 1871 г. в буржуазной историографии ФРГ 60–70-х гг. // Ежегодник германской истории, 1975. М., 1976; Павленко Г. В. Германская империя 1871 г. и уроки истории // Новая и новейшая история. 1975. № 5; Петряев К. Д. Мифы и действительность в "критическом пересмотре прошлого". Очерки буржуазной историографии ФРГ. Казань, 1969.

¹⁶ См.: Wehler H. - U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte 1700–1815. München, 1996. S. 145.

¹⁷ Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 99.

¹⁸ Цит. по: Патрушев А. И. "Социальная история" в буржуазной историографии // Новая и новейшая история. 1976. № 4. С. 157.

Курынович Александр Викторович – аспирант кафедры источниковедения и музееведения БГУ. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В. Н. Сидоров.

